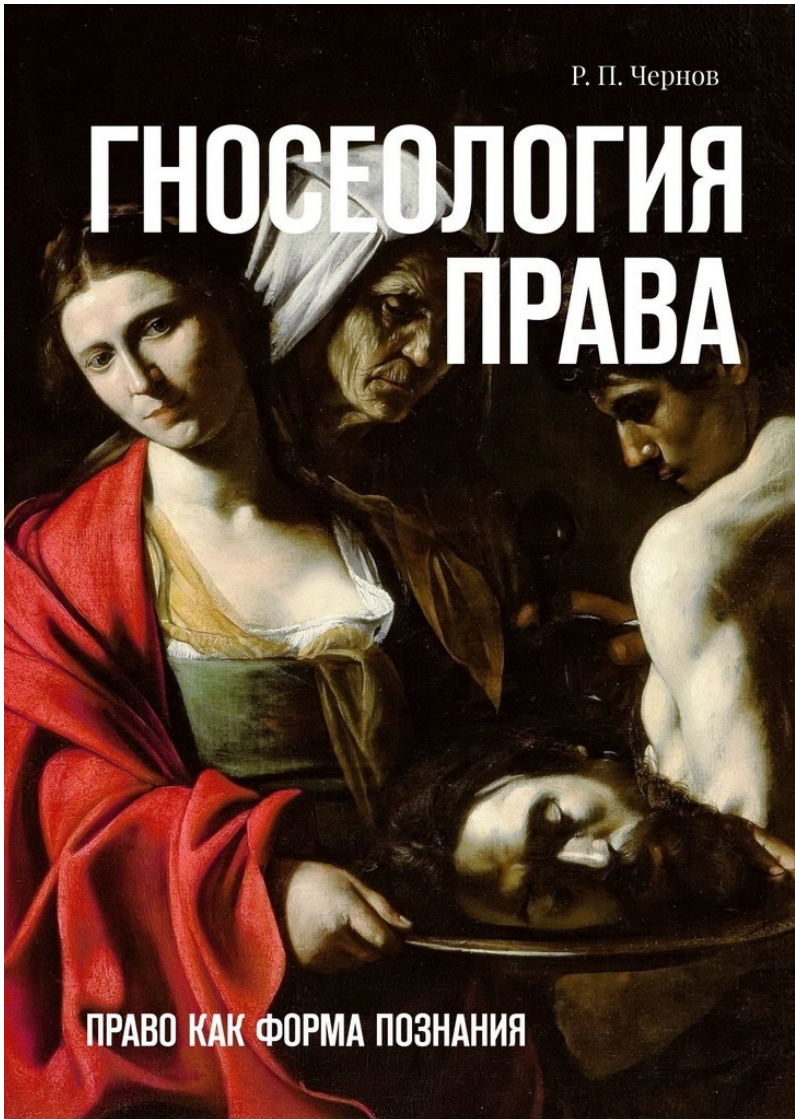

Р. П. Чернов

ГНОСЕОЛОГИЯ ПРАВА

ПРАВО КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ

Рустам Павлович Чернов

Гносеология права. Право

как форма познания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39426727
ISBN 9785449382368

Аннотация

В настоящей работе изложена Гносеологическая теория права, сущность которой в том, что право, закон анализируется в качестве формы познания реальности. Право рассмотрено как бытие в возможности государства, а государство – как бытие в действительности права. Сделан вывод, что при нарушении указанной формулы имеет место замещение государства иными социальными явлениями (коррупция, организованная преступность). Государство представлено как результат реализации нормы права.

Содержание

1	5
2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гносеология права

Право как форма познания

Рустам Павлович Чернов

Иллюстратор Микеланджело Меризи (Караваджо)

© Рустам Павлович Чернов, 2020

© Микеланджело Меризи (Караваджо), иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4493-8236-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Современность давно утратила божественность права – отношение к праву как к чему-то совершенно извне дарованному и (во многом поэтому) неизменному. Отдельные революционные взгляды на сегодняшний день достигают своих пределов в возможности анализа именно разумного основания вынесения тех или иных суждений. Во многом это обусловлено массовостью представления о праве, право потеряло штучность, единичность и ту меру справедливости, которую сообщал конкретный случай разрешения дела, исходя из посылок данных и заданных вне реальности, вне форм объективации чувственного начала человека. Причинно – следственные связи стали роднее и понятнее, как с точки зрения практики, так и в отношении теории. И, наконец, право вовсе уже не связано ужасом насилия применительно к познанию права, отмена телесных наказаний и замещение ответственности вербальными конструкциями сыграло свою роль. Но, что же есть право сегодня, и можем ли вообще ставить данный вопрос о праве как о предмете нашего изучения вне рамок познания применительно к той или иной форме отношения в рамках самого права? Можем ли мы точно представить себе, что есть право, вне понятийного аппарата правового мышления?

Проблема методологии изучения права была в свое время

еще остро поставлена Ф. Гегелем... думается, она была обусловлена не только силой желания методологической чистоты познания данного вопроса. Корни здесь намного глубже. Дело в том, что право как таковое с точки зрения людологии, само по себе является некоторой остаточной формой познания и именно этому вопросу посвящена настоящая статья – анализу права как формы познания, с целью очистки права от элементов, превращающих познание только в чувственное опознавание того или иного круга предметов. Право как когнитивная форма существования, право как форма познания.

Мы должны четко понимать, что право не просто бытие в возможности, в какой-то степени представленное в виде суммы форм отношения возможного к действительному, право есть, прежде всего, остаток представлений о целостных парадигмах, включающих в себя всю сумму элементов бытия. Именно то, что право содержит в себе все необходимые элементы бытия делает закон жизнеспособным, практикообразующее начало которого мы при последующем ретроспективном анализе государственности называем правом. Именно поэтому возможность объективации бытия в возможности в действительность на основе правовой нормы представляет повышенный интерес.

Именно на основе права, возможно, проанализировать, как рождается социальное явление, какие именно формы и элементы необходимы, для того чтобы, что – либо струк-

турировать в нем, видоизменить в отношении чего – либо.

И именно право есть лучшая форма восприятия исторической фактологии, отражающее самую суть отношений конгломератов парадигм в тот или иной период времени, в части целевой причины жизни общественного. Особенно интересны в этом отношении изменения, вносимые в закон, динамика этих изменений и соответственно возможность уточнить фактологию парадигм социального явления в тот или иной период времени.

Понимание права методологами юридической науки всегда может быть подвергнуто сомнению по основаниям самой неподдельной заинтересованности. Когда мы говорим о необходимости философии права, как методе вполне точно и полно понимающем противоречия позитивного плана, мы всегда совершаем ошибку и лукавим. Философ, а ведь именно философу придется создавать предметную философию, в нашем случае философию права, всегда похож на карточного шулера. Он вполне профессионал, он уделяет доказыванию внеэмпирического положения всю свою жизнь, в то время как обычный человек тратит на это весьма мало времени, и, соответственно, философ всегда берет силовыми методами, соотношением времени и сил, помноженными на его профессионализм к простому человеку, который сталкивается с предоставленной армадой сомнений и готов просто верить всему на слово, ну, в крайнем случае, подпадать под

часть, довлеющей над ним доказанной «объективности» разработанной философии. В юриспруденции это ярко проявляется в уголовных процессах.

Соответственно то, что мы понимаем как форму права, как то, что должно стать критерием формы права, должно быть вне понимания философии и, конечно же, вне познания философского плана. Это должно быть в одинаковой мере доступно самым широким слоям субъектов познания и в этом отношении являть собой некоторую методологическую философию. Философию познания. Если мы, конечно, стремимся к тому, чтобы данное представление не было узкопрофессиональным, раздавленным прессом правоприменительной практики внутриконтинентального законодательства.

При этом универсальность, (а доступность неперсонифицированному кругу лиц есть именно универсальность), нельзя расценивать как замкнутость проблематики вопроса. Нельзя строить универсальность, опираясь на один круг проблем и в то же время исходить из данного круга проблем как из базисного, подгоняя его под те или иные основополагающие принципы познания, бытия. Это путь к шарлатанству.

Доступная методология по данному вопросу достаточно обширна. Академические курсы сообщают достаточно много полезного из области опыта попыток понимания права как сущности, обладающей универсальностью и всеобъемлемой значимостью, но нам представляется, что это больше задачи

методические, чем методологические. *В конечном счете, сегодня, ни один метод не лучше сознания самого методолога (основа бытия судейской власти).* Любая задача переднего плана – это всегда лишь базис для формирования взгляда расширяющего мир, и поэтому мы допустим вольность и не будем из уважения долго и основательно перечислять труды наших предшественников по этой теме (прелесть современного научного труда, кстати, в том и заключается, что можно только и говорить о предшественниках).

Мы расцениваем право как форму познания, а государство как силу, обеспечивающую, чтобы право оставалось такой формой познания. Для обоснования¹ данного взгляда нам необходимо приблизиться к позиции аппарата государства, к верховной власти в рамках того или иного государства. Для верховной власти право является именно показателем состояния дел внутри государства для международного сообщества. Это понимание права появилось сравнительно недавно, в условиях развития «информационного общества», но связано это так же и с тем, что аксеологическое понимание права постепенно становится значительно более важным, чем национальные и культурные особенности того или иного народа. Последние уже не являются самодоста-

---

¹ Фактически здесь парадигму права мы рассматриваем с точки зрения акцента целевой причины, сводя понимание сущности явления к идеальному содержанию.

точным полем познания сущности жизни населения другой страны, другого народа. Интересно так же и то, что право составляет отдельную форму исторических методов познания в области истории Теории государства и права. При этом предмет истории государства и права настолько самостоятелен и подчинен своим формам организации познания, что ни при каких обстоятельствах не сливается с общей историей. Единственной объединяющей формой является исчисление времени.

Данный взгляд так же обладает некоторой перспективностью, ибо со временем, когда реализация норм права будет сведена к автоматизму (а такова конечная цель любой правовой системы, чтобы правовое поведение являлось следствием убежденности субъекта, а не принужденности), гносеологическая функция права будет выдвинута на первый план как основная для права, при том условии, что мы понимаем право как обособленное социальное явление. В данном случае юриспруденция приобретет форму подобную психиатрии, юрист как психоаналитик будет истолковывать скрытое и недоступное для *ratio* повседневности.

Наконец, с людологической точки зрения, центральной категорией которой является понимание бытия в возможности как парадигмообразующего элемента бытия вообще, право представляется именно как бытие в возможности (в то время как государство понимается как бытие в действительности права), и, соответственно, гносеологическая функция

права приобретает форму критерия оценки того, насколько вообще возможно познание тех или иных сущностных социальных процессов в рамках общественного развития.² Справедливо так же предположить, что право может выступать и как форма прогнозирования и определения будущего, соответственно, и как форма познания будущего, а для государства по сути форма структурирования будущего. С учетом этих позиций понимание права как формы познания предполагает совершенно четкий структурный и оперативный – технический анализ, как на базе универсально – эмпирических методологий познания (философия, например), так и специально – технических методов опознавания.

Наш очерк исследования больше вольность, нежели фундаментальной исследование и предназначен всего лишь к обозначению области возможной проработки дальнейшего поля теоретических изысканий.

При вынесенности понимания права за рамки самой парадигмы его реализации (субъект, объект, правоприменитель как возможный так и актуально существующий) появляется

---

² Здесь понимание права в противопоставлении государству вообще сведено единственно к целевой причине, при том условии, что мы рассматриваем целостную парадигму, в которой право сведено в сущностном выражении безусловно к целевой причине. При этом не следует забывать, что в каждой парадигме с точки зрения стороннего наблюдателя каждая причина в которой право сведено в сущностном выражении безусловно к целевой причине, к целевой причине, при томность уточнить фактолог является обособленной формой существования, и при изъятии игрового начала целостной парадигмы может составлять обособленную парадигму.

ся явное преимущество определения самого права именно с философской точки зрения – методами непосредственно не связанными с самим позитивным правом, с его нормой. Право именно как форма познания действительного, не соотнесенная с необходимостью правоприменения для субъекта познания, и является той самой основой, благодаря которой может быть рождена истина в отношении знания того, что есть право. Право здесь существует изолированно и самодостаточно в отношении собственной парадигмы, не связано реализацией с внешними формами действительности и поэтому его анализ наиболее объективен, а главное очищен от какой – либо тенденциозности, ибо здесь право анализируется именно как орудие, как средство, как форма познания. И здесь выявляется критерий бытия надлежащего государства, – если на основе права удалось соотнести теоретическое (содержание нормы права) и практическое – правоотношение, и при этом разница не существенна – значит государство достаточно хорошо выполняет свою задачу. По степени воплощения норм права следует судить о степени действительного существования государства.³ Это рождает та-

---

³ Мы уже не говорим о том, что для некоторых областей право является единственной формой, благодаря которой идеальное и реальное совпадают в полной мере на основе мифологического признака – существует только то, что названо. А именно в уголовном праве существует общеизвестный принцип *nullum crimen sine lege*. Наконец такое понятие как справедливость обретает свою конкретику именно в рамках закона. Иногда бытие человека познаваемо только лишь на основе закона, если этот человек осужденный, подсудимый, обвиняемый и т.д..

кую проблему как язык права. Безусловно, судить о применении правовой нормы можно лишь в том случае, если существует такое изложение данной нормы для неперсонифицированного круга субъектов, восприятие которого рождает однозначное представление о том, каким образом следует действовать при наступлении условий, для которых создана данная норма (гипотеза правовой нормы). Казалось бы элементарная задача.

В действительности же то, что призвано быть всего лишь частью и составным элементом формальной причины парадигмы (язык), становится замкнутой формой отдельно взятой парадигмы, обособливается, создавая целостность существования. Любая парадигма, сформированная так, что обеспечена ее самодостаточная жизнеспособность необходимо форматирует каждого, кто с ней соприкасается. Общий цикл нормы права, основанный на анализе по 4-м Аристотелевским причинам бытия, выглядит следующим образом в изолированности своего существования.

Целевая причина (СР) Права. Круг содержания БВВ (бытия в возможности -V), -это область идеального бытия включающая в себя модель ситуаций, каждая из которых уже есть противоречие. При этом противоречие не по природе БВВ (V), когда каждое из противоречий *представляет* для носителя БВВ необходимо истинным, и поэтому может быть снято только в рамках энтелехии, а как следствие восприятия ситуаций в области действительного. Это т. н. «очищенная» форма БВВ, где структурирующим основанием является согласие с возможностью реализации и нахождения в реальности противоположностей. При этом вопрос не идет об одобрении или желательности наступления тех или иных последствий, нет, – просто констатируется сама необходимость бытия в действительности различных ситуаций, составляющих противоречие.

Здесь же содержится механизм реализации каждой модели, при том, что подобная реализация не должна означать уничтожение какой – либо формы, изначально предусмотренной БВВ. Так же прописывается *движущая причина* (DP), то есть *кто* (субъекты правоприменения, правоиспользования, правоисполнения, например) и посредством *чего* (структура прав и обязанностей субъектов) будет реализовывать бытие в возможности. Качественные характери-

стики в области права приближены к времени, что делает элеантность энтелехии права достаточно высокой. Более того, мы можем говорить о том, что время является центральной категорией парадигмы права (процессуальные сроки). Аномалией здесь является то, что время задано безотносительно к парадигме в целом и полностью помещено в область целевой причины; для движущей, оно предусмотрено в рамках самой целевой причины и поэтому одновременно является элементом движущей (современное разделение на материальное и процессуальное право). Здесь не материя *post factum* преобладает над БВВ, а наоборот само бытие в возможности диктует критерий жизнеспособности бытия в действительности. Так же содержится механизм устранения противоречий, возникающих в ходе самой реализации бытия в возможности.

К обозначенной нами картине следует добавить, что носители СР права никогда не пребывают в одном источнике. Все механизмы разбросаны в различных формах выражения с разнородной степенью восприятия (нормативно – правовые акты), но это – техника законотворчества. Она примитивна в силу своего исторического развития, однако на сущность явления не влияет.⁴

---

⁴ К слову сказать, этот недостаток был развит в достоинство современной Теорией государства и права (учение о правовой норме как идеальном объекте в противопоставлении позитивизма, нормы закона). Мы похожи на дикарей, целью обучения которых является не научить изменять и понимать, а разбираться в дебрях уже созданных заблуждений и фикций сознания. Необходимо понимать,

Здесь следует отметить, что целевая причина имеет своим предназначением не формирование области действительно-го, а скорее следование области бытия в возможности, содержащегося в самой целевой причине. Этот вывод может быть не так заметен в области материального права, но весьма актуален в области норм процессуального характера. Материальное право же само по себе включено в сферу парадигмы и именно поэтому со стороны может показаться, что в этой области целевая причина права нацелена именно на формирование действительно-го, но это не так. На примере понимания декриминализации деяний это очевидно. Право по своей природе интересуется только само право, как оно применяется, насколько оно реализовывается в области действительно-го – *Pereat mundus et fiat justitia!*

И еще один тонкий момент. Приятнее всего конечно было бы видеть в области права совокупность того, что называется законом или по крайней мере то, что имеет нормативное содержание, выраженное текстуально и доведенное до (не) определенного круга лиц. Но право это, прежде всего парадигма, необходимость бытия которой вызвано существованием в области действительно-го целого ряда других форм парадигм. Поэтому право не всегда связано одеждами закона. И это не соотносено с областью исторического. Наоборот, бывает таким образом, что сам закон вытесняет право, превращая парадигму права в конкурирующую форму ор-

ганизации материи. И здесь следует иметь в виду, что это возможно только в отношении предельно простых форм бытия в возможности, действительная энтелехия которых доступна неперсонифицированному кругу лиц ежедневно и составляет ту область, которая значима для всех и для каждого (например, область уголовного права, уголовного процесса). Но в области постиндустриального общества от этих явлений остается лишь воспоминание учебников. По крайней мере, до тех пор, пока не будет сформирована альтернативная революционная форма структурирования реальности по предмету правового регулирования, что весьма вероятно в современном мире.

В рамках данной работы мы в любом случае будем исходить из презумпции того, что целевая причина права выражена в форме законодательного акта (хотя опять же повторимся – СР права может быть представлена смешанными источниками, что сути организации парадигмы опять же не меняет, изменяется формальная причина парадигмы права).

Здесь же следует отметить, что за время самосознания права как самостоятельной формы бытия, отделенной от воли человека (это сравнительно небольшой период времени) еще не сформировалась в полном объеме, но уже присутствует в зачаточном состоянии, система снятия внутренних противоречий субъекта познания, сталкивающегося с СР правовой нормы. Внутренние сомнения относительно правильности понимания – это результат формализации целе-

вой причины. Поскольку раньше (до текстуальной обособленности права) таких вопросов просто не возникало. Сознание индивидуума представляет собой первичную форму бытия в возможности, которой присуща натуральная рефлексия. При первичном столкновении с формализованным правом корреспонденция содержания СР индивидуума обычно сводится к минимуму, более того, приобщения к СР права просто не происходит, поскольку сами навыки и содержание механизмов познания у индивидуума отсутствуют, а в самой СР не содержатся.

Именно поэтому формой приобщения к СР права до сих пор остается не органон, выработанный самой СР парадигмы, а сознание субъекта, прошедшего своего рода пайдею (юридическое образование, профессия). До сих пор авторитетность правопонимания и снятия противоречий в области права решается индивидуально, посредством приобщения индивидуума, обладающего определенной квалификацией, знаниями и прочее. В части прочего следует отметить такие вещи как Конституционные суды, получившие широкое применение в современном мире (при этом Конституцию как основной закон при всем желании нельзя назвать формой снятия противоречий индивидуального плана, хотя именно таково ее предназначение изначально), аутентичные толкования различного рода и вида, юридическую науку, хотя последняя в свою очередь пока не приобрела ни собственные глаза, ни собственное сознание (она заложница полити-

ческих процессов).

И здесь же, при желании, можно было бы обозначить ближайшую цель для развития права – формирование такого органа, который бы структурировал сознание индивидуума сообразно содержанию СР права, не допуская отклонений в ходе реализации, вызванных тем, что нормы права проходя через сознание субъекта, претерпевают коррозию и видоизменение. Задача, с точки зрения традиционных методов познания, – сколь фантастическая, столь и необходимая.

И еще одно, думать, что изменчивость объективного в субъективном – это нормальный процесс применительно к области права – преступление. Право изначально и возникало как форма нарушения этого постулата. Сущность права – приведение к единому основанию отдельных парадигм действительного.

В других работах, посвященных проблемам криминологии, мы рассматривали данную проблему, и установили, что это путь к преступлению, так как общее представление о преступлении при этом не меняется, а мотив преступления декриминализуется, в итоге преступление становится формой общежития, что ведет к эффекту мультипликации, а затем к революции. Сценарий в принципе нормальный, но не для того, кто ставит вопросы о власти, реального управления в обществе.

Движущая причина (DP) Права. В классическом пони-

мании, в Парадигме бытия движущая причина является тем, благодаря чему реализуется содержание целевой причины того или иного вида, или же вообще бытие в возможности (если речь о первичном процессе реализации).

К сфере DP отнесены субъекты реализации и игра (основа, связующая воедино разнородность элементов). В классической традиции людологии опять же по-разному классифицируются сами игры с точки зрения алектности, количества участников, степени символизированности и прочее. Анализ парадигмы права обладает некоторыми специфическими особенностями в силу того, что данная область действительного достаточно сильно поляризована представлениями о ней различного рода.

Область права так же погранична с областью такой парадигмы как власть. При этом на сегодняшний день можно говорить о том, что это две различные парадигмы. Как правило, дисбаланс власти и права приводит к тому, что игровое начало в парадигме права лишается внешней алектности, усиливая при этом рефлексию субъектов, абсолютизируя бесчувственность и отстраненность одних (тех, кто по ту сторону – правоприменителей) и доводя до чудовищных форм переживания других (объекты правоприменения).

Это следствие «гениальной» идеи разделения властей. Если из ночного сторожа и можно было создать Левиафана, то лучшего способа придумать было нельзя. Любая игра в период своего обособления во времени и пространстве созда-

ет свою систему значений и символов формальной причины, которые, в конечном счете, и определяют представление и содержание целевой причины для стороннего наблюдателя (непосвященного и не сопричастного изначально целевой причине явления). Такой стала судебная система, создавшая свою мета – реальность права. В одних странах этот абсурд легализован прецедентной системой права, в других это имеет форму тотального не соблюдения закона в суде (нулевая реализация позитивного права). Но это отдельная тема для исследования, и не в рамках столь маленькой работы.⁵

Везде, где правоприменение основано исключительно на властной функции, где существует пренебрежение игровой формой организации реализации бытия в возможности, наблюдается абсолютизация содержания бытия в возможности целевой причины, и, в конечном счете, как следствие, отсутствие реализации содержания целевой причины делает ее вещью в себе.

Игра должна быть определяющей для субъектов, вовлеченных в процесс энтелехии бытия в возможности. Соблю-

---

⁵ Хотя именно эти явления и стали причиной появления понимания права, предназначения права как формы познания действительности, а не инструмента изменения социальной реальности как учили нас последние триста лет. Именно тот факт, что мы забываем о том, что с помощью права мы в первую очередь должны ориентироваться и познавать мир социума, создал необходимость доказывания этого факта. Право с практической точки зрения – система организации социума (парадигма), персонификация в которой и участие в которой (соблюдение или использование) помогает выжить члену данного социума – человеку. А для этого право не должно быть «вещью в себе».

дение алгоритма, игрового алгоритма – главнейшее условие и гарантия того, что реализация пройдет удачно (технология социального конструирования).

Здесь еще раз отметим, что под игрою следует понимать именно формообразующее начало бытия вообще, стадию перехода возможного в действительное. В своем генезисе любая деятельность носит чисто игровой характер, тот самый, который мы понимаем под словом «игра» применительно к «играм – играм», но непрерывность сознания, и отсутствие усеченного сознания и стадии перехода возможного в действительное. Именно формообразующее начало бытия вообще именно (всцело зависимо от среды нахождения) сталкивают человека с последствиями его собственной деятельности, которые он так же должен включать в область своего действительного как форму представления – содержание БВВ.

И элементарное сегодня приготовление пищи, и возможность писать и говорить ранее были помещены в то, что мы сегодня называем сферой магического. Мир необходимо было увязывать и распространять над ним свою власть – такова интервенция культуры во внешнюю реальность, неувязанную с человеческим.

Такие чувства как интерес, патриотизм, чувство собственной значимости, сопричастности великому делу – есть, прежде всего, формы производные от игрового вообще. Они присущи всем изначально, но со временем алентность

необходимо убывает для каждого, кто вовлечен в реализацию в достаточно продолжительном временном континууме.

И в обратной связи с ростом автоматизма реализации определенных элементов БВВ, каждый алгоритм прошлого, в свое время отличающийся для современников рациональностью, становится комичным для грядущего, наполняем своеобразным содержанием бытия в возможности воспринимающего субъекта, воспринимаем им именно несерьезно, как детство, как игра в ее полном и точном выражении.

Область права потому так ярко окрашена для стороннего в игровой цвет (мантии, парики, специальный язык, магические процедуры клятв, помпезность зданий и прочие атрибуты государственной власти), что она есть всегда предмет точного и необходимого внимания каждого, кто с ней сталкивается, есть форма противоречия смыслу и содержанию большинства парадигм социального, так как именно она есть суть данных парадигм и основа их функционирования в представлении современного источника властеотношений. Наиболее заметна область правосудия, сохраняющая в себе традиции прошлого.

В целом все те, кого можно назвать государственными служащими, помещены в сферу движущей причины, так как право существует именно в области государственного образования, как бытие в возможности государства. В области материальной причины можно сказать больше, что реализация целевой причины права – означает существование госу-

дарства в той или иной конкретно взятой парадигме. Государство незримо присутствует в налично существующем как форма соблюдения закона, права.

Государство, таким образом (бытие в действительности права) существует, как в рамках движущей причины относительно заданного количества парадигм, реализация которых всецело связана с субъектами государственного типа (государственные служащие), так и в рамках материальной причины – как форма результата реализации норм права, как бытие в действительности права.

Ужас ситуации сегодня в том, что государство реализует определенную структуру бытия в возможности права абсолютно закрытую для всех, кроме тех субъектов, которые составляют движущую причину данной энтелехии (область государственной тайны и государственной политики), если прибавить к этому еще факт хаоса правовых норм в виде законодательных актов, систему разделения властей и т.п., то получается, что право создает свою область реализации, а государство – свою. Это ставит вопрос об обычном обмане со стороны Великих просветителей в вопросах либерализма и демократии, а уже тем более правого государства и современной теории права вообще. Власть не реализует право, как это может быть в области идеальной системы, сегодня она определяет его применение и область его реализации, делая последнюю секретной. Получается, что и право есть вещь в себе и сфера его применения остается благодаря

власти вещью в себе, недоступной для познания теми, кто к власти не относится.

Следовательно, целью государства является де факто поддержание своего существования и сохранение самое себя, так как других задач в области права оно не видит и не ставит их перед собой, не расценивая право как полноценную целевую причину бытия социума, а сводя его к роли инструментария для достижения целей в рамках других социальных парадигм. Это является полнейшей формой деградации, фактически перед государством сегодня, если следовать данной форме рассуждений, стоят те же задачи, что и перед органами управления родоплеменного строя, последние, правда, справлялись с ними лучше.

Таким образом, теория того, что право всего лишь инструмент для достижения конкретных целей и задач верна в случае, если анализировать современную действительность. Но это мошенничество со стороны власти и изначально Великие французские просветители и немецкие философы – классики представляли себе нечто иное. Да и Стагирит, благодаря которому мы имеем замечательную возможность написать данную работу, в условиях полисной демократии видел себе несколько другую картину.

Ставя знак тождества между государством и властью, мы должны понимать под властью механизм, обеспечивающий зеркальную реализацию возможности в действительность. Именно такова задача субъектов движущей причины пара-

дигмы права. Государство в данном случае в общем понимается как совокупность материальных причин и о его наличном существовании можно судить только по тому, насколько материальная причина соответствует целевой.

Правосудие в современном мире является формой приведения бытия в возможности в соответствие с областью бытия в действительности, в то время как изначально функцией правосудия было снимать противоречия бытия в действительности, возникающие в силу того, что в СР парадигмы права, как уже отмечалось, существуют противоречия, имеющие одинаковое право на существование.⁶ Таким образом, сегодняшняя юстиция – не лучшая форма алгоритма реализация бытия в возможности целевой причины парадигмы права.

Игровые элементы вообще утрачены, что неизбежно приводит к правовому нигилизму.

Соотношение субъектов и игры в рамках движущей причины должно быть следующим – игра должна полностью персонифицировать и определять бытие субъектов, растворяя их в самое себя, сковывая и обязывая к исполнению действия.

Следует отметить так же, что познание вне участия в движущей причине рождает представление об игре как о набо-

---

⁶ Таков был, например, принцип талиона. Преступление не понималось как табу, оно расценивалось как форма поведения, условие реализации нормы права. Это сегодня государство присвоило себе право мстить и черт знает во что превратило его.

ре т.н. «орудий производства», средств и методов, благодаря которым действуют субъекты движущей причины, если хотите, набор прав и обязанностей в конкретике того или иного отношения. Это вид парадигмы с точки зрения восприятия по позиции стороннего наблюдателя, отделенного от самой воспринимаемой им парадигмы либо самим игровым полем (взгляд не участника игры), либо временными, посредническими и прочими барьерами.

Формальная причина (ФР) Права. Формальная причина права всецело зависит от чистоты реализации, от качества игрового начала. Задача не принуждать, а убеждать субъекта в том, что то или иное положение вещей является правильным, приемлемым, а, следовательно, положительным для него. Воспринимающему субъекту не доступно ни сознание субъектов реализующих СР, ни сама СР, так как до ее реализации в той форме в какой она должна быть, она представляет собой становление, а пока есть становление нет ставшего, когда же есть ставшее, уже нет становления (Стагирит).

Поскольку право в своих процедурах (в особенности процессуальное право) далеко от автоматизма восприятия (символизм), то именно по формальной причине, по атрибутике, которая сопутствует действию (время, место, темп, маски, реквизит и прочее) создается представление о процессе. Это подчинено, конечно же, принципам встречности и подобия,

многим другим факторам, но суть остается единой – форма определяет содержание для воспринимающего наблюдателя (не участника движущей причины).

Соответственно, чем меньше государство уделяет внимание игровой атрибутике – тем меньше уважение к закону, тем больше право реализуется «из под палки». И наоборот, когда государство постоянно играет со своими гражданами в сопричастность (здесь достаточно того, что гражданин является зрителем), тем выше доверие, тем больше желание быть частью права, хотя бы через действительную сопричастность (законопослушание). В первом случае государство так и остается недоразвитым, а правовая система убогой – у народа нет доступа ни к чему и поэтому право ориентировано на представления народа о праве, которые носят зачаточный характер. Если государство пытается навязать развитое право, то его реализация встречает упорное сопротивление среди народа и в итоге приводит к антиправовому характеру норм закона (ибо критерием права является равенство всех, будь они даже и не равны в правах, но все равны по отношению к восприятию права). Если государство пытается включить народ в реализацию СР парадигмы права как активных субъектов движущей причины, то получается государство – тирания, или государство стукачей, соответственно, право опять же теряет свое предназначение, сформированное в целевой причине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.